

Трубеева Екатерина Васильевна

**БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ СЮЖЕТА ГРЕХОПАДЕНИЯ В
БИБЛЕЙСКОМ ТЕКСТЕ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/59.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 154-156. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Как представляется, книжник занимает промежуточное положение в ряду понятий «автор» (в значении «писатель») и «повествователь», поскольку в указанный период отношения между личностью писателя и его творческой ипостасью оказываются недифференцированными. Кроме того, древнерусский книжник выступает в тексте в качестве единого субъекта сознания (в отличие от множественности субъектов сознания в классической прозе), фокусирующий и объединяющий в себе частные «субъектные перспективы» (Н. К. О니пенко): субъекта знания и мнения, субъекта воли и речи, субъекта эмоций и оценок. В связи с этим и понятие авторской модальности применительно к текстам данного периода приобретает дополнительное содержание.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
2. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. 226 с.
3. Гринцер П. А. Литературы древности и средневековья в системе исторической поэтики // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986.
4. Друговейко С. В. Лингвостилистический анализ отрывка из «Слова на Фомину неделю» епископа Кирилла Туровского // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1998.
5. Ефимов А. И. О языке художественных произведений. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1954. 288 с.
6. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 368 с.
7. Комарова А. М. О соотношении субституции и экспрессивности (на материале английского языка) // Экспрессивность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1984.
8. Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI - середина XV в.). М.: Языки русской культуры, 2000. 199 с.
9. Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3-х т. Л.: Художественная литература, 1987. Т. 3. 520 с.
10. Мещеряков В. Н. К вопросу о модальности текста // Филологические науки. М., 2001. № 5.
11. Молдован А. М. Лексический аспект в истории церковнославянского языка // Вопросы языкознания. М., 1997. № 3.
12. Попова О. В. Языковая личность Ивана Грозного (на материале деловых посланий): автореф. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 19 с.
13. Старовойтова А. О. Языковая личность и способы ее выражения в древнерусском тексте (на примере «Рассказа о смерти Пафнутия Боровского») // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1998.
14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
15. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.

УДК 811.411.16'02

Екатерина Васильевна Трубеева

Российский университет дружбы народов

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ СЮЖЕТА ГРЕХОПАДЕНИЯ
В БИБЛЕЙСКОМ ТЕКСТЕ[©]

Первая легенда о райском саде, о блаженном месте, представляющем собой прекрасный цветущий и плодоносящий сад, появляется в шумерской литературе. Вариация этого же архетипа содержится в древнееврейской культуре: это Сад Блаженства (Гад Эден) - Эдемский Сад, созданный Богом для своего высшего и любимого создания - человека (Адама Первоначального, воплощающего все человечество, человека вообще и разделенного затем на женщину и мужчину). Здесь, в Эдеме, согласно Библии, происходит первое испытание свободы воли человека, закончившееся грехопадением - нарушением воли Божьей, выразившемся в том, что первые люди отведали запретный плод с Древа Познания добра и зла. Тем большую сенсацию произвело шумерское сказание «Энки и Нинхурсаг» (Меж градов пресветлых...), впервые изданное еще в 1915 г., однако ставшее доступным пониманию только в 1945 г., когда профессор Крамер опубликовал новый вариант текста и дал его первую интерпретацию [4, с. 3-35]. Как оказалось, сказание содержит ряд удивительных параллелей со стихами Книги Бытия, описывающими состояние только что сотворенной Богом земли, орошаемой дождем, а также библейской притчей о грехопадении (Быт 3).

Миф о Дильмуне - это не только миф о райском саде, но также миф об упорядочении мира, прежде всего - самого процесса рождения в его сексуальном, физиологическом смысле, о введении неупорядоченного в начале мира в упорядоченный космос, о переходе от состояния варварства к состоянию культуры.

Поэма рассказывает о том, что в «чистой», «светлой» («пресветлой»), «непорочной» стране Дильмун поселились боги и среди них - бог мудрости Энки с его супругой Нинхурсаг.

Дильмун предстает как остров блаженного неведения, как бы состояния мира до всякой истории, что позволяет провести параллели с библейскими представлениями об Эдеме, где человек не знал добра и зла (вернее, знал только Божественное Добро) и где он в то же время перешел от блаженного неведения к знанию, после чего и началась человеческая история. Само же знание, предупреждает притча о грехопадении, всегда опасно, ибо человек берется сам определять, что есть добро и что есть зло.

Нинхурсаг вырастила в Дильмуне таинственные растения и запретила их есть, но Энки, не выдержав искушения и, как можно понять из контекста, решив определить их судьбу, т.е. их сущность, их предназначение, съедает их (сюжетная модель с запретом и его нарушением, перекликающаяся с библейской притчей о грехопадении, хотя в Библии смысл и запрета, и нарушения совсем иной). С помощью Исимуа, срезающего для него все травы, Энки съедает их. Как сказано, «Энки решил судьбу растений, познал их сердце» (показательно, что здесь также идет речь о познании, но совсем иного рода, нежели в библейской притче, где говорится в первую очередь об этическом знании).

Финальная часть поэмы посвящена исцелению Энки, и при этом также через рождение - рождение восьми исцеляющих божеств (мужских и женских). Весь этот отрывок построен на игре слов: имя рождаемого божества и большой части тела близки по звучанию, представляют собой омонимы и омофоны. В том числе особая игра заключена и в имени богини *Нин-ти*: «Нин-ти - владычица жизни-ребра» будет тебе рождена». По-шумерски *ти* означает одновременно и «ребро» и «давать жизнь». На этом основании профессор Крамер пришел к выводу (и его разделяют многие шумерологи и библеисты), что эта игра слов отозвалась в легенде о сотворении женщины из ребра Адама, ведь имя *Хавва* означает на иврите «дающая жизнь». И хотя на иврите слово «ребро» звучит, естественно, совершенно по-иному, сохранившаяся в памяти культуры связь «дающей жизни» и «ребра» особым образом, как будто бы, профигурировала в Библии. Возможно, древнее библейское сказание, складывавшееся в контексте месопотамской культуры, и получило некий импульс от еще более древнего шумерского сказания, но библейский текст чрезвычайно многозначен, в том числе и слово *цела* («ребро») имеет несколько значений, так что классическое еврейское толкование текста отнюдь не связывает его с анатомическим ребром [2, с. 164].

В XVIII веке начинает развиваться теория, на долгие годы оставшаяся главенствующей в библеистике. Ее называют "документальной гипотезой", и она, собственно, и положила начало библейской критике. Основоположителем ее считают французского библеиста Жана Астриюка (1684-1766). Он предположил, что Моисей, автор всего Пятикнижия, при написании книги Бытия пользовался как минимум двумя более ранними письменными источниками, поскольку не был сам свидетелем тех событий, о которых там говорится. Астриюк назвал первый источник буквой "А". Он решил, что там, где Бог называется Элохим, идет текст первого источника. Соответственно, 1 главу книги Бытия он приписал именно документу "А". Второму, начинающемуся со 2 главы книги Бытия, источнику, который называет Бога четырехбуквенным именем, Астриюк дает имя - документ "В".

Достаточно осторожную и аккуратную работу по разграничению двух рассказов первых глав книги Бытия, в рамках документальной гипотезы, провёл немецкий ученый Фридрих Швалли. Ф. Швалли делает акцент на собственно литературных характеристиках этих двух фрагментов, и не делает никаких далеко идущих выводов, объясняющих данную двойственность. Он замечает, что первый рассказ - это педантичный перечень событий, в противовес драматическим событиям второго. В первом рассказе, по мнению Ф. Швалли, человек лишь заключительный камень в возведенном здании, номер в каталоге, а во втором - все движется вокруг человека, он - подлинный центр события, начало и конец.

Параллельно с документальной гипотезой, с начала XX века начали вырабатываться новые подходы к прочтению Библии. Применяется так называемый формально-критический метод исследования (*Formgeschichte*). Основоположителем применения этого подхода в библеистике стал немецкий ученый Хенри Гункель (1901). Он призывал исследователей обращать особенное внимание на литературные жанры (гимны, победные песни) и на ситуации их употребления. Гункель говорил о необходимости привлекать также и ближневосточные религиозные сочинения, поскольку считал, что контекст и ситуации употребления этих текстов были схожи с библейскими. Он же одним из первых отметил важность устного, фольклорного начала в Библии. Именно длительным долитературным, устным бытованием большинства библейских сказаний Гункель объяснял все повторы и вариации в тексте Писания. Х. Гункеля поддержали такие исследователи Библии, как У. Кассуто, С. Хук, Н. Фрай и др.

Проанализировав библейский рассказ о грехопадении, а также многочисленные мифы различных народов о ложной вести и о сбрасываемой коже, Дж. Фрэзер приходит к выводу, что в библейском рассказе пропущен один очень важный мотив. Видимо, в библейском тексте были упомянуты два дерева - дерево жизни и дерево смерти (с которого в результате и съели плоды Адам с Евой). Змей, обманувший женщину, сам съел плоды с дерева жизни, и стал бессмертным. Поэтому он каждый год сбрасывает кожу и остается вечно молодым. Еврейский редактор Библии, по мнению Фрэзера, «не мог согласиться с утверждением о якобы бессмертии змей, ...(он) решил избавиться от такой обидной для верующего подробности, просто стерев в легенде все места, связанные с ней».

По-видимому, можно сделать вывод о том, что библейские тексты первых глав книги Бытия создавались во многом под влиянием месопотамской культурной традиции. И, скорее всего, те пласты, из которых складывался впоследствии единый библейский рассказ, различались именно степенью вовлечённости в мифологический контекст. Однако в Библии меняются все акценты и смыслы. Многие комментаторы вполне справедливо полагают, что в Писании сознательно используется известный ближневосточный материал с целью его переосмысления в рамках новой монотеистической религиозной картины мира [1].

Список литературы

1. **Каспина М. М.** Сюжеты об Адаме и Еве в свете исторической поэтики: дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. М., 2001.
2. **Синило Г. В.** Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета): учеб. пособие. М.: Флинта; МПСИ, 2008. 848 с.
3. **Фрэзер Дж. Дж.** Золотая ветвь: исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. М.: Эксмо, 2006. 960 с.
4. **Kramer S. N.** Sumerian literary texts from Nippur in the Museum of the Ancient Orient at Istanbul. New Havwen, 1994.

УДК 81'42

Татьяна Александровна Филоненко
Международный институт рынка, г. Самара

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ДИСКУРС» И «ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ»[©]

Явление глобализации, которое по праву считается одним из ярких примет нового времени, так или иначе, повлияло на многие сферы человеческой деятельности. Глобализация означает не только усиление экономических, политических и т.д. связей между странами, но и стандартизацию коммуникации. Общеизвестно, что в силу ряда геополитических причин, терминологический аппарат различных областей научного знания на западе и в России развивался как бы параллельно. Подобное явление наблюдается, например, в методике преподавания английского языка. Попыткой преодоления барьеров коммуникации в этой сфере стал «Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков» издательства «Cambridge University Press».

Многие лингвистические термины сложно перевести с русского на английский адекватно, так чтобы англо-говорящему реципиенту, специалисту в соответствующей области, сразу же стал понятен смысл высказывания. Проблема единообразия терминологии, единого терминологического аппарата актуальна для лингвистики даже внутри России. Это, несомненно, препятствует выходу наших ученых на мировой уровень, сказывается на частотности и цитируемости работ русскоязычных авторов в англоязычных международных изданиях.

Одним из примеров сближения западной и отечественной лингвистики может служить, на наш взгляд, развитие и популяризация в России теории дискурса.

Понятия «дискурс» и «функциональный стиль» характеризуются «смежностью», но в тоже время тождественными не являются. «Смежность» данных понятий определяется преимущественно тем фактом, что термин «дискурс» первоначально начал широко употребляться (1970-е гг.) в значении, близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин «функциональный стиль» (речи или языка), что собственно определялось особенностями национальных лингвистических школ, а не предметом исследования. Тем не менее, понятия эти употреблялись в значениях почти синонимичных, обозначая, по сути дела, «тексты как данность».

Понятие «стиль» может считаться полисемантическим, учитывая его использование в различных областях человеческой деятельности и его широкую интерпретацию. В лингвистике данный термин чаще всего ассоциируется с функциональной стилистикой.

Дискурс понимается и как особый тип речи в речевых произведениях, и как нечто близкое к понятию «функциональный стиль».

В отечественной лингвистике функциональный стиль - это разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере. Это категория социальная и историческая, зависящая от исторически изменяющихся социально-культурных условий использования языка, порожденная сложностью и многообразием общественно-речевой практики людей. Функциональный стиль реализуется в устной и письменной формах и имеет особенности в лексике, фразеологии, словообразовании, морфологии, синтаксисе, фонетике, в использовании эмоционально-оценочных и экспрессивно-образных средств, в наличии своей системы клишированных средств [6, с. 567].